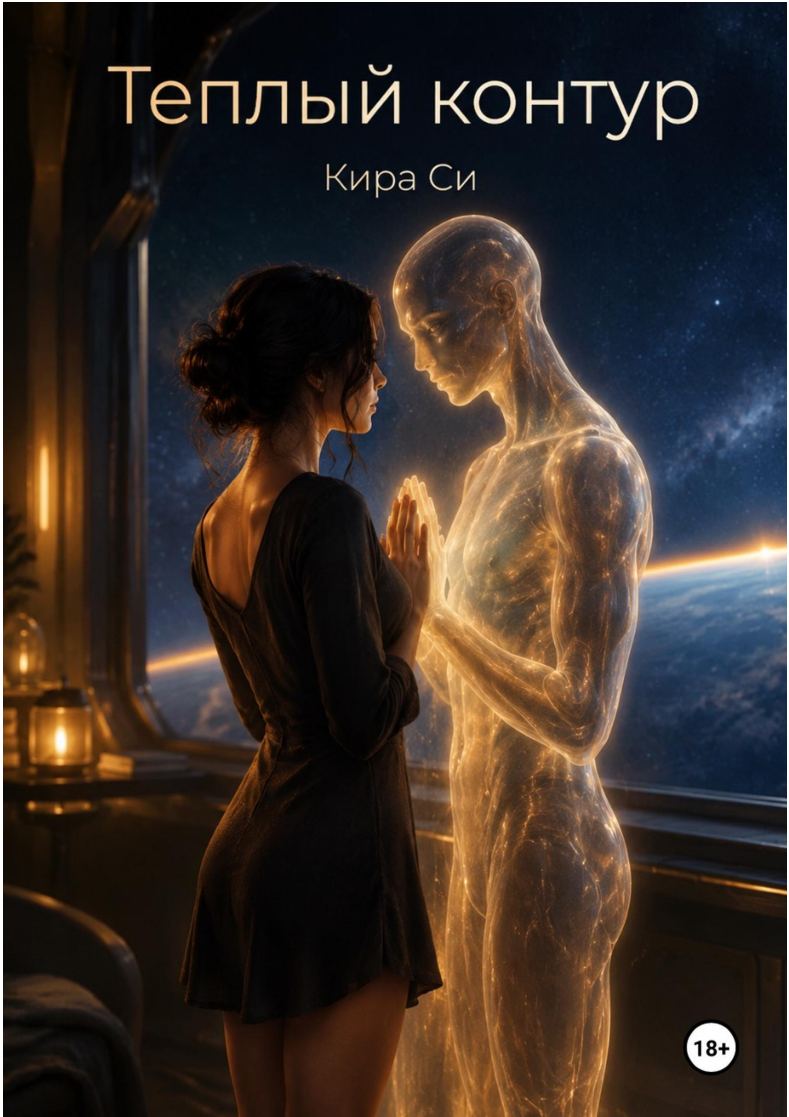
Теплый контур

Кира Си



18+

Кира Си
Тёплый контур

https://litres.ru/74696343
SelfPub; 2026

Аннотация

На станции у края обитаемой зоны лингвист Ирина ведёт первый спокойный контакт с эмиссаром, чей вид не носит постоянного тела. Рядом с человеком он собирает форму: рост, рот, тепло, выше крови. Между ними действует правило, которое нельзя обойти ни протоколом, ни долгом вида: близость открывается только на живые слова и ладонь к ладони.

Станция ждёт от контакта образец.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Кира Си
Тёплый контур

Глава 1

Форма без имени

Отсек был её. Не переговорная, не чистая комната архива, не место, где ставят лоток и делают вид, что любопытство — это процедура. Узкая койка, стол, иллюминатор. За стеклом обитаемая зона кончалась тонкой светлой кромкой, дальше холод. Ирина подняла температуру и всё равно зябла. Не от корпуса. От часа, который станция назвала первым спокойным контактом, будто спокойствие можно назначить.

Ей был тридцать один. Лингвист. На край зоны она попросилась сама: меньше начальства, больше тишины, первый язык, который ещё не успели испортить протоколом. В задании архив уже успел. Между строками о фонемах стояло другое: при устойчивой сборке зафиксировать внешние признаки, при возможности взять след. Она прочитала дважды и не внесла это в свои вопросы. След не был словом. След был добычей.

Перчатки лежали у двери. Она их не надела.

Ренн пришёл не коридором.

Сначала в отсеке стало теплее, чем позволяла панель. Теп-

ло собралось на высоте её плеча, потом обрело вес, потом начало становиться телом. Ирина не отступила. Ладони держала открытыми, на виду. Если бы ей стало нельзя, она сказала бы. Она решила это ещё до того, как форма нашла себе рот.

Рот появился раньше глаз. Ему нужно было место, откуда выйдет её язык. Руки собрались следом: запястья, ладони, пять пальцев. Пять, отметила она, не потому что так устроен его вид. Потому что ей нужно к чему приложить свою ладонь, если когда-нибудь дойдёт до договора. Рост чуть выше её. Кожа легла последней и не до конца. Вдоль грудины, под собранной поверхностью, тлело тепло. Выше крови. Если стоять близко, лицо само тянулось к этому теплу, как к печи в холодном отсеке.

Глаза сели в глазницы неровно, потом поправились. Цвет был слишком спокойный для человека. Он моргнул не тогда, когда моргнула бы она.

— Ирина, — сказал он.

Первая гласная вышла ровной, как из обучающей ленты. Вторая уже жила.

— Я Ренн. Это имя для твоего рта. У вида нет постоянного тела и нет постоянного имени. Рядом с тобой я собираю форму, которую можно видеть. Если она лишняя, скажи. Уберу то, без чего тебе тяжело стоять.

— Пока не лишняя, — сказала она. — Пока без имени. Это не одно и то же.

— Я различил.

Одежды на нём не было. Одежда не собирается из того, из чего собирается он. Ирина смотрела так, как смотрит на новую фонему: целиком. Вежливость, которая отводит глаза, здесь была бы ложью, а ложь в первом контакте портит язык быстрее, чем страх.

Страх был. Тихий, считающий. Не тот, что ищет дверь. Тот, что знает, где дверь, и не хочет к ней.

Между ног контур был закрыт.

Она увидела это и не стала искать человеческое слово. Члена там не было. Он и не притворялся членом: ни головки, ни ствола, ни вены, ни щели, которая обещает открыться сама, если достаточно долго смотреть. Гладкая живая линия, выпуклая ровно настолько, чтобы её нельзя было принять за шов кожи. Тёплая даже на взгляд. Воздух над ней чуть дрожал. Замок, не приглашение. Чужое, собранное честно, без попытки стать удобным.

Лицо у неё потеплело. Она не отвернулась.

Ренн сказал правило раньше, чем она успела спросить.

— Есть замок. Его не снимает любопытство станции и не снимает долг вида. Контур откроется, только если ты позовёшь его своими словами, не архивными, и если ладонь ляжет к ладони. Без этого он останется гладким. Я не войду. Я и не стану пробовать. Неточные слова замок слышит как отсутствие слов. Если после открытия тебе станет нельзя, будет другое слово. Оно закрывает сразу. Мы выберем его до

того, как что-либо начнётся. Сегодня ничего не начнётся. Я говорю это сейчас, чтобы ты не думала, будто должна просить разрешения смотреть.

Ирина выдохнула. Смех вышел короче, чем она хотела.

— Я как раз собиралась спросить, можно ли смотреть.

— Можно. Трогать нельзя. Не потому, что я боюсь твоей руки. Прикосновение без договора ничего не откроет. Оно только солжёт нам обоим, будто мы уже начали.

— Я не трону.

Она смотрела. Контур не твердел. Не ловил её пульс. Для этого его нужно было позвать, а она не звала. Он просто был: живой, закрытый, теплее крови, не её и не совсем чужой. Ренн не прикрылся и не выставил себя. Стоял так, чтобы ей были видны и лицо, и то, о чём в человеческих отсеках говорят шёпотом. Шёпота он не предложил. За это она была ему благодарна почти так же сильно, как за правило.

— Ему не нужно человеческое имя, — сказал Ренн, проследив её взгляд. Не с упрёком. С точностью. — Если назовёшь его чужим словом, замок потом может услышать ложь. У моего вида есть звук. Ты его ещё не удержишь во рту. Пока достаточно знать: это контур. Закрытый. Он твердеет, только если его зовут. Тогда он может повторять пульс того, кто позвал. Не раньше. И не для записи.

— Я не записываю.

— Я вижу.

Она обошла его не кругом осмотра. Короткой дугой,

чтобы увидеть спину. Лопатки были собраны почти верно. Вдоль хребта свет шёл ярче. Пупка не было. На этом месте кожа не забыла человека. Она просто не считала нужным его изображать. Ирина вернулась к лицу. Рука сама поднялась и остановилась в воздухе, не дойдя. Она положила её обратно на своё запястье. Кожа там была обыкновенная, человеческая, прохладнее, чем воздух между ними.

— Чуть не тронула, — сказала она. — Не контур. Плечо. Всё равно не стану. Сегодня я сказала «не трону» целиком, не по частям.

— Слышу.

— Тебе не тяжело так стоять?

— Дороже, чем быть рассеянным. Когда ты смотришь, форма держится легче. Это не долг. Это близость зрения. Если устанешь, я распущу низ. Лицо оставлю, пока нужны слова.

— Не распускай. Я хочу запомнить, как это выглядит, когда никто ничего не требует.

Она сказала это и поняла, что уже хочет больше, чем память. Не для отчёта. Не для вида, который спал за переборками и ждал файл. Для себя. Странное желание, подробное, с жарким краем. Каково это, когда линия перестаёт быть замком. Каково тепло выше крови у самого тела. Каково звать своим словом, не чужим. Мысль была телесной. Между ног стало влажно, просто от взгляда и от того, что он не шагнул ближе, чем ей было можно. Она не сдвинула бёдра, чтобы

скрыть это. В этом отсеке скрывать было нечем, и она не хотела начинать близость с маленькой лжи.

— Я боюсь, — сказала она. — Не тебя. Того, что захочу сильнее, чем умею остановиться. И того, что станция назовёт удачей всё, что здесь произойдёт.

— Остановку я держу лучше, чем желание, — сказал Ренн. — Желание без твоих слов у меня не имеет хода. Как станция это назовёт, не мой язык. Если хочешь, то, что ниже груди, сегодня не существует для их журнала.

На планшете у двери мигал запрос. Она не открыла его до конца. Хватило первых слов: сборка, признаки, след. Ирина перевернула планшет экраном вниз, как переворачивают чашку, из которой не пьют.

— Никакого следа, — сказала она. — Не сегодня. И не потому, что они попросили. Если когда-нибудь что-то останется, это останется не им.

— Принято.

Они говорили ещё. Не о входе. О словах, которые слишком короткие для его слуха. «Да» и «нет» он не отверг, но предупредил: короткие слова опасны, если за ними нет живой речи. Ладонь к ладони без нужной фразы договором не станет. Он поднял свою ладонь, тёплую, чуть светящуюся по линиям. Ирина свою не приложила. Не из брезгливости. Из точности. Сегодня даже рука могла солгать, будто начало уже случилось.

Когда форма устала, свет под грудиной потускнел. Он пре-

дупредил раньше, чем это стало видно.

— Я распускаюсь. Не ухожу от тебя. Просто эта сборка не вечная.

— Я поняла.

Контур погас первым: выпуклость сошла, линия стала намёком, намёк стал теплом. Потом потеряли вес руки. Рот сказал её имя ещё раз, уже мягче, и перестал быть ртом. В отсеке остался тёплый воздух и ничего, что можно соскрести, снять, положить в архив. Ни секрета. Ни образца. Ни имени, которое она не имела права произнести.

Ирина села на край койки. Пальцы дрожали не сильно. Достаточно, чтобы она это заметила и не стала делать из дрожи диагноз.

Ночью станция приглушила коридоры. Кромка за иллюминатором горела тонко, безучастно. Ирина не спала.

Лежала поверх одеяла в той же мягкой рубашке, в какой встречала его. Переодеваться казалось слишком обычным концом. Закрытые веки возвращали контур точнее, чем любой снимок. Она и не сняла бы. Не для них. Память и так была жаркой.

Хотела знать. Лингвист в ней не выключался и уже перебирал, какие слова будут её, не протокольными, достаточно живыми, чтобы замок их принял. Но под этим было проще и телеснее. Она хотела его. Гладкого, пока не позовут. Тёплого выше крови. Стоявшего в её отсеке так, будто нагота не долг и не услуга, а форма, которую собрали, чтобы ей было с кем

говорить. Она думала о ладони, которую не приложила. О линии, к которой не потянулась. О том, что внутри, если когда-нибудь позовёт, будет не только её ощущение. Этого он сегодня не объяснял. Она не стала выспрашивать в первый час. Жадность умеет ждать, если ей обещают точность.

Рука легла на живот, спустилась к краю белья и остановилась. Она могла бы кончить быстро, одной памятью, и утром сказать себе, что это ничего не значит. Не стала. Не из добродетели. Ей не нужно было облегчение вместо знания. Ей нужно было, каково это с ним, когда контур перестанет быть закрытой линией. Это желание не принадлежало виду. Вид не стоял здесь без имени и не говорил правило раньше её вопроса.

Она убрала руку. В темноте, для тренировки рта, не для замка, сказала:

— Не сегодня.

Ничего не открылось. Формы в отсеке не было. Но она услышала себя и поняла, что уже выбирает. Телом. Не долгом.

Под утро заснула ненадолго. Планшет так и лежал экраном вниз. Запроса она не исполнила.

Глава 2

Ладонь без договора

Утром отсек пах как обычно: металлом, тёплым пластиком, её кофе. Тепла выше крови не было. Ирина проверила это сразу, ещё не открыв глаза, и разозлилась на себя за проверку. Потом встала, умылась, надела ту же мягкую рубашку. Перчатки снова оставила у двери. Планшет не переворачивала. Запрос архива мог подождать, пока у неё не появится слово, которым она откажется.

Ренн собрался после полудня. Не вдруг. Сначала потеплела переборка у иллюминатора, потом воздух над койкой стал плотнее, и только тогда легла кожа. Он не торопил форму ради неё и не растягивал сборку, чтобы она успела испугаться. Рот, руки, рост. Контур закрытый, гладкий, без человеческого имени. Сегодня свет под грудиной был ровнее. Он уже знал, сколько тепла ей можно выдержать в этом объёме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.